

О. Грон

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЭВЕНКОВ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ ГАМБУРГСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

УДК 397(571)+904 (430)

ББК 63.589 (253)+63.589(4)

В статье с позиций этноархеологии анализируются старые эвенкийские охотничьи стоянки в местах поколки (массового забоя оленей на участках пересечения путей миграций животных и крупных рек) на основе изучения одного из таких мест в верхнем течении реки Оленёк. Экономическая роль таких мест крупномасштабной добычи хорошо известна и признана в археологии. Центральной темой обсуждения в настоящей статье является их социальная, идеологическая и территориальная роль. Второй акцент в обсуждении сделан на том, в какой степени мы можем экстраполировать социальные, идеологические и территориальные грани промысла, зафиксированные на современных местах поколки, на характеристики памятников верхнего палеолита с аналогичной экономической основой.

Ключевые слова: *этноархеология, эвенки, Якутия, река Оленёк, культура охотников-собираателей, гамбургская культура, Штельмоор и Мейендорф*

Преимущество этноархеологии по сравнению с традиционной археологией заключается в том, что она дает возможность изучать на материалах «живых» культур то, как идеологические, духовные и ритуальные стороны культуры взаимодействуют с материальной культурой и хозяйственным укладом, как воспринимается и используется природное окружение. К тому же этноархеология может помочь нам в преодолении ограничений нашего воображения и культурного опыта, документируя широкий спектр сложных культурных черт, процессов и отношений.

Центральным остается вопрос о том, может ли массив данных, полученных в результате этноархеологических исследований, послужить основой для совершенствования археологической теории, интерпретации и моделирования, которые позволили бы более полно согласовывать наше понимание доисторических обществ с типами реальности, наблюдаемыми в современных обществах.¹

¹ Barth F. *Cosmologies in the Making. A Generative Approach to Cultural Variation in Inner New Guinea*. Cambridge, 1987.

Грон Оле — н. с. отдела морской археологии Университета Южной Дании (Эсбьерг, Дания)
E-mail: olegron111@gmail.com

* Исследование выполнено по инициативе Польского исследовательского совета, Норвежского исследовательского совета и Модуля этнографического контекста Байкальского археологического проекта, при поддержке Программы крупных совместных исследовательских проектов, грант № 421-2000-1000 Канадского исследовательского совета в сфере социальных и гуманитарных наук

Для достижения успешного результата в сопоставлении доисторических материалов, относящихся к обществам охотников-собираателей, с современными наблюдениями очень важно: 1) понимание микро-, мало-, средне- и крупномасштабных вариаций материальной культуры и их динамики,² 2) формирование способности связывать нематериальные культурные черты с материальными характеристиками, моделями и процессами,³ 3) замена наших жестких представлений о взаимодействиях между фиксированными концептуальными элементами, такими как типы артефактов или поселений, стратегии освоения ресурсов и т. п., новым мышлением, позволяющим учитывать в гораздо большей степени механизм принятия индивидуальных решений, основанный на персональных предпочтениях, возможностях стратегического

² Grøn O., Kuznetsov O., Klokkernes T. The tent in the middle of the world // *Proceedings of the International & Interdisciplinary Hunter-gatherer Conference in Edinburgh 2002* — ChaGS. URL: https://www.academia.edu/6791714/The_Tent_In_The_Middle_Of_The_World (дата обращения: 01.01.2014); Grøn O., Kuznetsov O., Turov M. G. Cultural micro-mosaics — a problem for the archaeological culture concept? *Scandinavian Archaeological Practice // Theory. Proceedings from the 6th Nordic TAG*, Oslo 2001. Oslo, 2003. P. 342–350; Barth F. *Op. cit.*; Wiessner P. Style and social information in Kalahari San projectile points // *American Antiquity*. 1983. Vol. 48 (2). P. 253–276; Wiessner P. Reconsidering the Behavioral Basis for Style: A Case Study among the Kalahari San // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1984. Vol. 3. P. 190–234.

³ Deetz J. Cultural Patterning of Behaviour as Reflected by Archaeological Materials // *Settlement Archaeology*. California, 1968. P. 31–42; Grøn O. The Maglemose Culture. The reconstruction of the social organization of a mesolithic culture in Northern Europe. BAR International Series 616. Oxford, 1995.

Рис. 1. Регион исследования

комбинирования задач, на хорошем знании экологических микрониз и т. п.,⁴ и 4) более полное понимание того, как организуются и стратегически используются культурные ландшафты в качестве активного и динамического идеологического интерфейса между культурой и «неосвоенной» природой.⁵

Оценивая возможности обобщения наблюдений за современными обществами охотников-собирателей, важно понимать, что их культуры представляются состоящими из элементов, которые могут показаться идентичными или похожими (с одинаковым идеологическим и практическим фоном) в различных культурных группах. Интересно, что модели для организации жилья обнаруживают незначительные вариации, даже в широкой перспективе, в то время как для медвежьего ритуала, например, в обществе эвенков характерна большая вариативность.⁶

Настоящая статья посвящена обсуждению старых эвенкийских охотничьих стоянок в местах поволоки (массового забоя оленей на участках пересечения путей миграций животных и крупных рек) на основе изучения одного из таких мест в верхнем течении реки Оленёк (рис. 1). Экономическая роль таких мест крупномасштабной добычи хорошо известна и признана в археологии. Центральной темой обсуждения в настоящей статье является их социальная, идеологическая и территориальная роль.⁷ Второй акцент сделан на том, в какой степени мы можем экстраполировать социальные, идеологические и территориальные аспекты промысла на современных местах поволоки на характеристики памятников верхнего палеолита с аналогичной экономической основой (на примере стоянок Мейендорф и Штельмоор).⁸

Данные, полученные с охотничьей стоянки Тангаралак, были собраны во время ее посещения 12–19 июля 2001 г. Сохранившиеся структуры органических материалов включают

⁴ Barth F. Op. cit.; Ellen R. Environment, Subsistence and System. The Ecology of Small-Scale Social Formations. Cambridge, 1982; Hartvigsen G., Kinzig A., Peterson G. Use and Analysis of Complex Adaptive Systems in Ecosystem Science: Overview of Special Section // Ecosystems. 1998. (1). P. 427–430.

⁵ См.: Ellen R. Op. cit.; Jordan P. Material Culture and Sacred Landscape. The Anthropology of the Siberian Khanty. New York, 2003.

⁶ См.: Grøn O., Kuznetsov O., Turov M. G. Op. cit. P. 342–350; Grøn O. Mesolithic dwelling places in south Scandinavia: their definitions and social interpretation // Antiquity. 2003. Vol. 77, № 298. (Dec.). P. 685–708; Paproth H.-J. Studien über das Bärenzeremoniell. 1: Bärenjagdriten und Bärenfeste bei den tungusischen Völkern. München, 1976.

⁷ См.: Grønnow B. Meindorf and Stellmoor Revisited. An Analysis of Late Palaeolithic Reindeer Exploitation // Acta Archaeologica. 1987. Vol. 56. P. 131–166; Loring S. On the Trail to the Caribou House: Some Reflections on Innu Caribou Hunters in Northern Ntessinan (Labrador) // Caribou and Reindeer Hunters of the Northern Hemisphere. Avebury, 1997. P. 185–220; Spiess A. E. Reindeer and Caribou Hunters. An Archaeological Study. New York, 1979.

⁸ Rust A. Das altsteinzeitliche Rentierjägerlager Meindorf. Neumünster, 1937; Idem. Die alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. Neumünster, 1943.

в себя традиционные захоронения, остатки поселений и наскальные рисунки. Дополнительная информация об этом объекте была получена от информаторов в ходе повторного посещения (21–25 июля) сел Оленек и Харыялах.

Ресурсные стратегии эвенков

Основным смыслом перемещения оленей в ландшафте является постоянный поиск территорий с приемлемыми условиями. Летом животные прилагают большие усилия, чтобы уйти от гнуса. Зимой важным фактором для них является толщина и однородность снежного покрова. В случае, если хорошие условия для животных наблюдаются на ограниченной территории, как это бывает в некоторых горных местностях, олени не предпринимают миграций на большие расстояния, а перемещаются вверх и вниз по горам небольшими стадами. На равнинах или в горных районах, где отсутствуют необходимые условия в разное время года, олени совершают длительные сезонные миграции.⁹

В Сибири этноархеологические исследования проводились в трех регионах, в которых группы эвенков, традиционно практикующие охоту на оленей, придерживаются полностью различных стратегий промысла. В Каларском районе, на севере Читинской области, стратегия основана на добыче немигрирующих оленей в горных лесах. В центральной части Катангского района, расположенного на севере Иркутской области, эвенки в основном охотятся на лося. Несмотря на то что эта территория может служить идеальной кормовой базой для северного оленя, мигрирующие с севера на юг стада всегда обходят ее стороной — возможно, в силу восточно-западной ориентации притоков Нижней Тунгуски и существования удобного миграционного пути на запад вдоль реки Илимпей. В Оленёкском районе, расположенном в западной части Якутии, в таежной зоне (лиственнично-сосновые леса), исследовавшейся в рамках настоящей работы, экономической основой жизни эвенков являются мигрирующие стада оленей, пасущихся в тундре в течение летнего периода, и в тайге к югу от нее — в течение зимы.

Интересно отметить, что эвенки в Оленёкском районе не ведут более мобильного образа жизни по сравнению с населением других исследованных районов. В течение лета, когда

олени уходят, они промышленно ловят рыбу и птицу. «Охотничий сезон» начинается во время сентябрьских миграций крупных стад через регион. Примерно в мае олени снова продвигаются на север, но эти миграции носят более рассеянный характер, а животные менее привлекательны в качестве добычи, поскольку утратили значительную долю жира за время зимы. Основная охота проходит в сентябре–октябре — в сезон спаривания, когда животные становятся более легкой добычей. Поскольку самцы теряют значительную долю жира во время спаривания, лучшее мясо добывается в самом начале сезона. Мясо сохраняется разными способами (оно вялится/коптится, ямы для его хранения выкапывают в вечной мерзлоте и т. п.) для употребления в пищу на протяжении оставшейся части зимы, когда также ведется охота на небольшие местные стада.

Осенняя охота ведется большими группами охотников в так называемых местах поколки, где олени переходят основные реки. В оставшуюся часть зимнего периода охота ведется небольшими семейными группами (родовые группы из 3–4 семей), каждая из которых охотится в пределах своих четко определенных охотничьих угодий неподалеку от места соответствующей оленьей переправы. Жирная мясная диета в течение зимы идеально подходит для арктических охотников, поскольку повышает способность человеческого организма выдерживать низкие температуры благодаря изменению характера метаболизма.¹⁰

Эвенки считают невозможным преследование крупных стад оленей во время их миграций, что предлагалось некоторыми археологами.¹¹ Мигрирующие стада передвигаются настолько быстро, что их нельзя преследовать, даже с использованием домашних оленей в качестве транспорта (для верховой езды и в упряжке). Нганасаны, которые «следуют» за мигрирующими оленями из северной тундры (летом) в южную тайгу (зимой), охотятся на них в сентябре–октябре и, до некоторой степени, в мае–июне, когда олени снова идут на север, но они не преследуют их во время миграций. Объектом их промысла являются также небольшие местные стада;

¹⁰ См.: Rodahl K. Eskimo Metabolism. Oslo, 1954.

¹¹ См.: Brøndsted J. De Ældste Tider. Danmark indtil år 600. Copenhagen, 1977. P. 47; Vang Petersen P., Johansen L. Tracking Late Glacial reindeer hunters in eastern Denmark // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. Stockholm, 1996. P. 75–88.

⁹ См.: Spiess A. E. Op. cit. P. 40–62.

рыба и птица играют важную роль в летнем рационе.¹²

Стратегия, заключающаяся в добыче мигрирующего дикого оленя путем массового забоя в местах осенних переходов через реки, наблюдаемая в Сибири, хорошо коррелирует с археологическими данными, полученными из верхнепалеолитических стоянок северной Германии и юга Скандинавии, население которых также вело сезонную охоту на северного оленя. По-видимому, большая часть животных добывалась в сентябре–октябре.¹³

*Социальные, идеологические
и территориальные стратегии эвенков —
места сбора, поселения и захоронения*

В эвенкийском обществе ресурсные и социальные стратегии, идеология и религия переплетены настолько, что их трудно разделить. Важно понимать, что для экономических стратегий этого и многих других обществ охотников-собирателей основным мотивом действия не является распространенная идея о «минимальных усилиях с максимальным результатом», несмотря на то, что получаемое в результате поведение приближается к таким «рациональным» моделям.¹⁴ Для понимания культур охотников-собирателей правильнее исходить из определенного «эко-детерминизма», обусловленным существованием в заданных природой рамках, которые нельзя нарушать (структура ресурсов, ландшафт, климат). При этом в таких рамках может поддерживаться широкий диапазон вариаций и характерных личностных особенностей, которые играют важную роль в отношении структур идентичности в небольших группах. На более укрупненном уровне это обеспечивает существование совершенно различных культурных традиций охотников-собирателей в аналогичной среде.

Можно сказать, что поведение, кажущееся «иррациональным», если рассматривать его исключительно с позиций обеспечения средств

к существованию, играет важную роль в большинстве обществ охотников-собирателей — но для стороннего наблюдателя очень трудно судить об «иррациональности» такого культурного элемента в его собственной, совершенно отличной, культуре. Тот факт, что понятия нашего индустриального общества о «правилах» и «традициях» более статичны и, таким образом, совершенно отличны от намного более прагматичных и зависимых от конкретных обстоятельств способов их восприятия и применения в небольших обществах, вероятно, послужил причиной многочисленных заблуждений и упрощений в нашем понимании таких обществ.¹⁵

Если мы, как археологи, хотим иметь возможность моделировать доисторические общества охотников-собирателей на основе недостаточно репрезентативного в культурном отношении и довольно скудно сохранившегося материала, очень важно иметь хорошее понимание основных черт и функций таких обществ. Очевидно, что следует моделировать и пытаться понять доисторические общества охотников-собирателей, основываясь на информации об известных группах охотников-собирателей, вместо того чтобы применять нашу собственную культурную рациональность и ценности к объектам нашего исследования. Поэтому так важно учитывать нематериальные аспекты материальных и практических/стратегических черт обществ охотников-собирателей.¹⁶

Эвенкийское общество организовано по принципу родственных групп или «родов», обычно состоящих из 3–4 близкородственных домов или семей (в каждой — 6–8 человек). Более крупные родовые группы встречаются редко, чаще всего в тех местах, где российские власти вынуждали эвенков проживать в крупных деревнях.

Основными территориальными единицами расселения являются родовые охотничьи

¹² См.: Popov A. A. *The Nganasan. The Material Culture of the Tavgi Samoyeds*. Bloomington, 1966.

¹³ См.: Bratlund B. *Archeozoological Comments on Final Palaeolithic Frontiers in South Scandinavia // The Earliest Settlement of Scandinavia...* P. 23–33; Grønnow B. *Op. cit.* P. 131–166.

¹⁴ См.: Anisimov A. F. *The shaman's tent of the Evenks and the origin of the shamanistic rite*. Toronto, 1963. P. 84–123; Anisimov A. F. *Cosmological concepts of the peoples of the north*. Toronto, 1963. P. 157–229; Jordan P. *Material Culture and Sacred Landscape. The Anthropology of the Siberian Khanty*. New York, 2003; Shirokogoroff S. M. *Psychomental Complex of the Tungus*. London, 1935.

¹⁵ См.: Barth F. *Cosmologies in the Making. A Generative Approach to Cultural Variation in Inner New Guinea*. Cambridge, 1987; Chagnon N. A. *Yanomamö*. Santa Barbara, 1992.

¹⁶ См.: Holmberg U. *Der Baum des Lebens*. Helsinki, 1922; Paulson I. *Schutzgeister und Gottheiten des Wildes (der Jagdtiere und Fische) in Nordeuroasien. Eine religionsethnographische und religionsphänomenologische Untersuchung jägerischer Glaubensvorstellungen*. Stockholm, 1961; Tanner A. *Bringing Home Animals. Religious Ideology and Mode of Production of the Mistassini Cree Hunters*. London, 1979; Grøn O., Kuznetsov O. *Ethno-archaeology among Evenk forest hunters. Preliminary results and a different approach to reality! Mesolithic on the Move. Papers presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000*. Stockholm, 2003. P. 216–221.

угодья, границы которых устанавливаются преимущественно по рекам. Эвенки, говоря о своих охотничьих территориях, никогда не употребляют «участок», но только «река», несмотря на то что «территориальные» границы устанавливаются между ними по горным хребтам и водоразделам. Акцент на реках объясняется тем, что долины рек — это основные транспортные коридоры в лесу, и охота ведется преимущественно в непосредственной близости от них.

У родов нет прав на свои территории, которые были бы сопоставимы с нашим представлением о собственности, но есть права на использование территорий по «соглашению» с местными духами-покровителями земли. Это могут быть духи рек, озер, источников и гор; они могут быть душами их предков, похороненных на родовых территориях, тотемными животными рода и т. п. В роли последних могут выступать птицы, такие как ворон, лебедь, дятел и т. п., или животные, которые помогали им в беде (как правило, это животные, не представляющие большой экономической ценности). Хотя эвенки, с одной стороны, очень боятся человеческих могил, с другой — они всегда ссылаются на души своих умерших предков, и особенно на души умерших шаманов, как важных защитников их территорий от чужих. Таким образом, могилы предков выполняют важную функцию в качестве священных мест и маркеров прав рода на использование территории.

Эвенки хоронят своих умерших в непосредственной близости от поселений, где они умерли. Сегодня обычной практикой является захоронение умерших на кладбищах при больших селах, но иногда наблюдаются случаи размещения одежды умерших на стволах деревьев в местах их смерти. В результате старые могилы не организованы в кладбища, а разбросаны по берегам рек и озер.

Другими маркерами территорий, помимо могил, являются старые стойбища, где можно часто видеть оставленные ценные предметы (топоры, металлические печи и подобные вещи), а также остовы чумов — указание на то, что этим стойбищем еще пользуются, а духи очага по-прежнему обитают здесь. Это, впрочем, не мешает духам присутствовать в чумах, в которых люди живут в настоящее время. Священные деревья с полосками ткани или иконами на них, имеющиеся на всех стойбищах, также указывают на «соглашение» живущего здесь рода с местными духами о правах на промысел в этом конкретном месте.

Родильные чумы, ритуальные площадки для останков убитой дичи, устройство погребений для хороших охотничьих собак, напоминающее традиционные человеческие захоронения, и т. п. — это все элементы длинной череды маркеров территорий, которые в основном относятся к стойбищам и, таким образом, отражают интенсивность присутствия родов в различных частях своей территории.

В селе Оленёк считается важным размещать могилы и ритуальные площадки для останков добытых животных таким образом, чтобы «Мать-река» могла «видеть» кости. Со временем, по мере перемещения русла реки, она подмывает берега и «заберет» кости, по-видимому, чтобы унести их в подземный мир. Таким образом, реки, на которых расположены стойбища, имеют космологическое значение, наряду с практическим, инфраструктурным.¹⁷

Для родов важно иметь возможность правильно использовать свои территории. Если род оказывается не в состоянии произвести на свет достаточное количество детей, чтобы поддерживать надлежащую заселенность своей территории, он старается взять приемных детей из других родов. Также другие роды могут потребовать часть территории рода, которая не используется в течение длительного времени. В таких случаях проводятся переговоры между соответствующими родами. Тот род, который забирает часть территории, совершает ритуал установления родства с душами предков предыдущего рода, похороненных там. Например, это может быть сделано посредством заключения ритуального брака со старейшими членами нового рода.

Центральными маркерами территорий являются места сбора, использующиеся для крупных собраний до и после сезона охоты. По-видимому, существовало центральное место сбора на большинстве (а вероятно, и на всех) родовых территориях. Во время таких собраний принимались решения о том, какие участки родовых территорий будут занимать разные семьи в наступающем сезоне охоты, с тем, чтобы все знали, где кто находится, при этом шаманы рода «обсуждали» решения с духами соответствующих земель. Такие собрания отличались высоким уровнем социальной и ритуальной активности. Танцы шаманов вокруг священного дерева или воткнутого

¹⁷ См.: Anisimov A. F. The shaman's tent of the Evenks and the origin of the shamanistic rite // *Studies in Siberian Shamanism*. Toronto, 1963. P. 84–123.

в центре шеста с выгравированным на его вершущке изображением гагары (посланницы для связи между мирами), олицетворяющего центральную ось вселенной, были одним из элементов ритуала. В некоторых случаях в таких местах все еще можно обнаружить каркасы шаманских чумов, каждый с большим количеством духов-помощников, вырезанных из дерева и помещенных на шестах снаружи, что было обычной практикой во время шаманских камланий. Более того, часто можно увидеть деревья с вырезанными на них изображениями человеческих лиц. На такие деревья были перенесены человеческие болезни, а изображение лица человека вырезалось шаманом. По-видимому, на местах собраний часто выставлялся вырезанный из дерева образ тотемного животного рода, а шаман рода, очевидно, жил там в течение более длительного времени. Места собраний считались священными и служили важным территориальным маркером, подтверждающим право рода на пользование своей территорией.

Места поколки и их роль в мире эвенков

В Оленёкском районе места оленьего промысла, где мигрирующие стада переправляются через большие реки, называются местами

поколки. В 2001 г. наша экспедиция прошла 280 км вверх по реке Оленёк от села Оленёк до места наскальных рисунков Тангаралак («гора с изображением бога»), фиксируя все остатки поселений и традиционных захоронений, которые встречались по пути. На расстоянии до 30 км вниз по течению реки от наскальных рисунков обнаружено 5 традиционных погребений, а точное местоположение смытого рекой шестого было определено на основании пояснений информаторов. Было обнаружено также 12 старых могил христианского типа, причем некоторые из них были погребениями эвенков-христиан XIX–XX вв. (с погребальным инвентарем, что характерно для эвенкийской традиции), в то время как остальные были погребениями христиан-казаков, следовавших торгово-транспортным путем, проходившим в то время вверх по реке Оленек (рис. 2).

На северном берегу реки Оленёк в результате эрозии обнажился слой костей толщиной 20–30 см и длиной 200 м. На основании поверхностного осмотра был сделан вывод о том, что большую часть массива составляют сильно фрагментированные кости северного оленя, но встречается и некоторое количество костей лося. В 10 км к востоку от этого костного слоя на северном берегу реки эвенкийские

Рис. 2. Ситуационный план местности (верховья р. Оленёк)

информаторы ранее наблюдали аналогичный костный слой, который в настоящее время не сохранился. Еще одно скопление костей расположено точно на месте, называемом «оленьим трактом» (это маршрут, по которому мигрирующим оленям удобно переходить реку Оленёк и ее долину). В этом месте река наиболее мелкая — не более 1 м глубиной в осенний период. Верхняя часть костного слоя перекрыта 5–10-сантиметровым слоем гумуса и пронизана корнями деревьев, возраст которых оценивается приблизительно в 100 лет.

Недавно умершая мать одного из эвенкийских информаторов помнила, что в этом месте люди собирались, чтобы убивать оленей копьями с каяков в период миграции стад, т. е. это было место поволоки. По словам этого информатора, маршруты оленьих миграций могли незначительно изменяться. Этим объясняется наличие двух отдельных костных слоев в пределах ограниченной территории.

Еще одно место поволоки расположено при впадении рек Алакит, Дьяахаа и Верхний Монди в реку Оленёк, примерно в 120 км вверх по течению от Тангаралака. Здесь находятся два комплекса из 11–12 погребений на участке протяженностью 25–30 км. В 200 км вниз по течению от Тангаралака, неподалеку от сел Оленёк и Харыялах, также есть несколько погребений, возможно, указывающих на наличие здесь мест поволоки до того, как на месте охотничьих стоянок выросли два населенных пункта.

Большинство традиционных погребений состоит из камеры, сделанной из досок, на которых вырезано изображение головы рыбы, и опор из ствола дерева с каждого конца. Одно из них — захоронение в колоде. Такой тип могил обычно применялся для погребения шамана. Первоначально, вероятно, вокруг камеры были бронзовые кольца для того, чтобы удерживать силу шамана внутри. Это захоронение было нарушено в ходе исследований начала 1980-х гг., а свежие следы нарушения почвы говорят о том, что скелетные останки и, возможно, другой инвентарь погребения были перезахоронены в нескольких метрах к югу от погребальной камеры.

Значительная концентрация захоронений, а также массивные костные слои указывают, что место поволоки Тангаралак являлось центральным в жизни эвенкийского общества: интенсивность его использования сопоставима лишь с двумя другими аналогичными местами в этом районе. Все они расположены на главной реке, и два из них (а скорее всего и все три),

были местами поволоки. В период между миграциями оленей эвенки уходили в глубь бассейна реки Оленёк, охотясь на небольшие стада оленей зимой и промышляя рыбу и птицу летом. Это нашло отражение в гораздо большем разбросе старых захоронений и стоянок вдоль небольших рек и на берегах озер в этих районах.

Концентрация старых захоронений у стоянки Тангаралак, ее отношение к священной реке Улахан-Бердэжит, впадающей в реку Оленёк неподалеку от основного скопления традиционных захоронений, и к единственному известному объекту наскальных изображений на реке Оленёк — рисункам Тангаралак — указывают на важное, центральное положение стоянки в духовном ландшафте региона. Отсутствие других мест скопления старых погребений и следов стоянок служит аргументом в пользу того, что стоянка Тангаралак и две другие стоянки аналогичного характера в исследуемом районе были одновременно местами поволоки и местами сбора. Вполне логично предположить, что собрания сочетались с подготовкой к большой охоте в ноябре–декабре.

Место поволоки Тангаралак и две другие центральные стоянки, представленные на рис. 3, имеют протяженность около 25–35 км вдоль реки Оленёк каждая. Эвенкийское понятие «стоянка», по-видимому, значительно менее привязано к строгому географическому месту, чем к функциональной и духовной

Рис. 3. Место поволоки к востоку и к югу от стоянки с наскальными рисунками Тангаралак

организации/структурированию ландшафта.¹⁸ Примером может служить представление эвенков о том, что их чум всегда стоит на том же «месте». Это «центр их мира». Когда они кочуют, то не только они перемещаются, но и мир.¹⁹

Наличие определенной закономерности в расстояниях между местами поколки в исследуемом районе, на что указывают собранные данные, может говорить о том, что это не просто места, где находились основные переправы оленьих стад. По-видимому, расположение мест поколки отражает социальную/территориальную организацию ландшафта, что служит более убедительным объяснением регулярности местоположения центральных стоянок, чем объяснение, основанное лишь на поведении мигрирующих оленей.

На основании данных, собранных в этом и других районах, площадь родовой территории можно предварительно оценить в среднем в 4 000–6 000 км² для рода, состоящего из трех-четырех семей/домохозяйств. Тогда наблюдаемое расстояние между местами поколки, составляющее приблизительно 100 км по прямой линии, указывает на присутствие 3–4 родов, или 80–90 человек, на каждой из стоянок. По современным стандартам, для комфортного проживания довольно стабильных групп такой величины необходимо обеспечить минимальное годовое потребление мяса эквивалентное 260–300 оленям.

Сибирский взгляд на стоянки Мейендорф и Штельмоор

Важным для археологии верхнего палеолита является вопрос о том, в какой степени места массового забоя северных оленей, такие как стоянки Мейендорф и Штельмоор, сопоставимы с местами поколки, подобными месту Тангаралак. Можно ли предположить, что две стоянки Мейендорф и Штельмоор, расположенные всего в 1 км друг от друга в ледниковой долине Штельмоор, принадлежали к одному и тому же месту массового забоя оленей? Представляют ли они собой тип стоянок, которые могут встречаться периодически с

определенными интервалами вдоль крупных долин? Относятся ли они к типу стоянок, которые занимали центральное положение не только в экономическом плане, но и в социальном (как место сбора) и в идеологическом (как священное место) в верхнепалеолитических обществах?

И Мейендорф и Штельмоор относятся к первой фазе верхнепалеолитической гамбургской культуры, причем на последней стоянке наблюдается вторая фаза интенсивного использования, которая относится уже к аренбургской культуре. Интересно отметить, что эти стоянки с сохранившимися свидетельствами их использования в качестве пунктов массовой охоты можно рассматривать как места чрезвычайно важной концентрации верхнепалеолитических стоянок, принадлежащих к гамбургской, аренбургской и федермессерской группам, расположенных в пределах 4 км вдоль ледниковой долины.²⁰

В целом гамбургские стоянки северной Германии, Голландии и южной Дании обнаруживают важную тенденцию проявления в виде концентраций, относящихся к крупным долинам или, как в северной Голландии, к дренажной системе, предшествующей формированию берегового барьера и заболачиванию местности с его тыльной стороны. Во всех случаях ориентация расположения их в долинах очевидно более северо-южная, чем восточно-западная.²¹ Это имеет смысл только в том случае, если миграции оленей следовали в направлении приблизительно ВЮВ-ЗСЗ (рис. 4). Братлунд предположил, что миграции

¹⁸ См.: Grøn O., Kuznetsov O. What is a hunter-gatherer settlement? An ethno-archaeological and interdisciplinary approach. To be published in the proceedings of the UISPP conference in Liege 2001. In print.

¹⁹ См.: Grøn O., Kuznetsov O. Ethno-archaeology among Evenk forest hunters. Preliminary results and a different approach to reality! // Mesolithic on the Move: papers presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000. Stockholm, 2003. P. 216–221.

²⁰ См.: Grønnow B. Op. cit. P. 131–166; Rust A. Über die Kulturentwicklung des endglazialen Jungpaläolithikums in Nordwesteuropa // Festschrift für Gustav Schwantes. Neumünster, 1951. P. 48–59; Tromnau G. Neue Ansgrabungen im Ahrensburger Tunnelthal. Ein Beitrag zur Erforschung der Jungpaläolithikum im Nordwesteuropäischen Flachland. Neumünster, 1975. P. 35–42; Idem. Die jungpaläolithischen Fundplätze im Stellmoorer Tunnelthal im Überblick. Hammaburg, 1975. P. 9–20.

²¹ См.: Beets D. J., van der Spek A. J. F. The Holocene evolution of the barrier and the back-barrier basins of Belgium and the Netherlands as a function of late Weichelian morphology, relative sea-level rise and sediment supply // Netherlands Journal of Geosciences. 2000. Vol. 79 (1). P. 3–16; Cohen K. M., Gouw M. J. P., Holten J. P. Fluvio-deltaic floodbasin deposits recording differential subsidence within the coastal prism (central Rhine-Meuse delta, the Netherlands) // Fluvial Sedimentology VII. Special Publication 35. International Association of Sedimentologists. Oxford, 2003. P. 40–68; Holm J. The Earliest Settlement of Denmark // The Earliest Settlement of Scandinavia... P. 43–59; Holm J., Rieck F. Istdidsjægere ved Jelsøerne. Haderslev, 1992; Rust A. Die jungpaläolithischen Zeltanlagen von Ahrensburg. Neumünster, 1958; Tromnau G. Die jungpaläolithischen Fundplätze im Stellmoorer Tunnelthal im Überblick. P. 9–20; Idem. Materialhefte zur Ur- und Frühgeschichte Niedersachsens. Hannover, 1975.

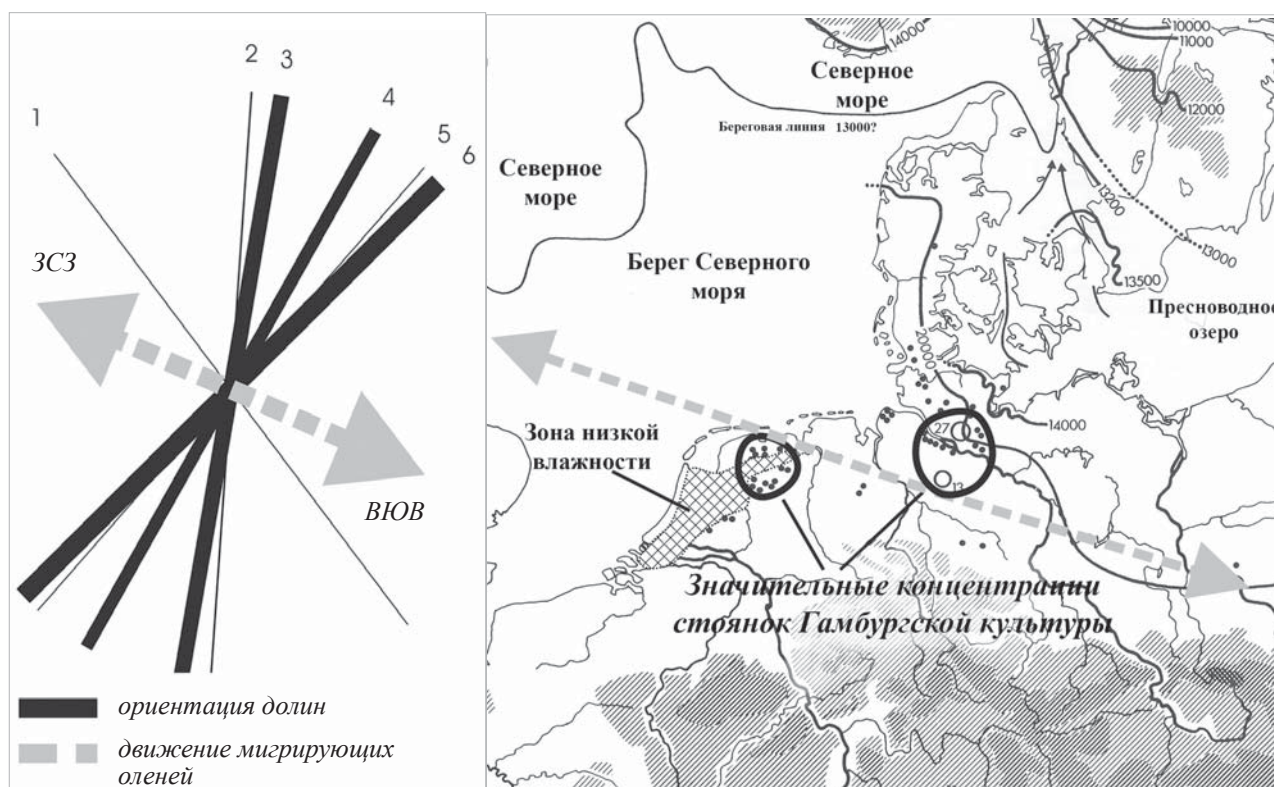

Рис. 4. Стоянки гамбургской культуры с предполагаемым маршрутом миграций популяции северного оленя на территории североευропейской равнины. Толщина линий на схеме отражает количество стоянок в группе: 1 — Слотсенг; 2 — Сёльберг; 3 — Хебер и Даймерн; 4 — Мейендорф и Штельмоор, Поггенвиш, Хасевиш и Телтвиш; 5 — Йелс; 6 — стоянки севера Нидерландов

проходили вдоль долин. Но, как правило, олени выбирают маршруты, проходящие по слабохолмистой местности, и избегают долин (К. Неллеманн — из личного общения).

Согласно модели Братлунда, гамбургские стоянки в северной Германии локализируются в долинах, параллельных маршрутам перемещения оленей во время миграций. Модели, предполагающие движение оленей в направлении С—Ю в ходе миграций, предложенные Бокелманном, а также Вангом Петерсеном и Йохансеном, представляются противоречащими топографическим особенностям концентраций гамбургских стоянок.²²

Автор настоящей статьи полагает, что основная часть популяции северного оленя североευропейской равнины мигрировала на лето в Англию. Маршрут миграций по наземному мосту в Англию согласуется с предложенным здесь направлением миграций.²³ Возвышенности,

характерные для этого региона, предоставляли оленям идеальные условия в летние месяцы, в том числе низкие температуры, уменьшающие остроту проблемы гнуса.

В нескольких случаях олени рога были обнаружены на английских кресвельских стоянках, синхронных гамбургским, но прямых указаний на то, что олени употреблялись здесь в пищу, обнаружено не было. Очевидно, что олени присутствовали на территории Англии в рассматриваемый период, но, в соответствии с предлагаемой моделью, они находились летом высоко в горах, т. е. олени здесь были не во время главного сезона охоты.²⁴ Олени рога могли остаться от мертвых животных или от молодых, которые сбрасывали их достаточно поздно, в мае, примерно в то время, когда прибывали мигрирующие стада.

В укрупненном виде гамбургские стоянки образуют два больших кластера в пределах

²² См.: Bokelmann K. Rentierjager am Gletcherrand in Schleswig-Holstein? // Offa. 1979. Vol. 36. P. 12–22; Vang Petersen P., Johansen L. Op. cit. P. 75–88.

²³ Burdukiewicz J. Creswellian and Hamburgian (The Shouldered Point Technocomplex) // Préhistoire de la Grande Plaine de l'Europe. Warsaw, 1981. P. 43–56.

²⁴ См.: McNabb J., Jacobi R., Colcutt S. An Archaeological Resource Assessment and Research Agenda for the Palaeolithic in the East Midlands (part of Western Doggerland) // East Midlands Archaeological Research Framework: Resource Assessment and research Agenda for the Palaeolithic (Chapter 2). Leicester. URL: http://www.le.ac.uk/ar/pdf_files/emidpal.pdf (дата обращения: 14.04.2004).

североевропейской равнины. Каждый из них занимает около 100 км в диаметре и отстоит от своего соседа приблизительно на 230 км. Это позволяет провести параллель между этими стоянками и тем, что мы наблюдали в Оленёкском районе. Большой масштаб гамбургских концентраций может быть вызван значительно более длительным периодом существования гамбургских стоянок в сочетании с ландшафтом, для которого характерна менее ограничивающая топография, чем для долины реки Оленёк. Еще одним важным фактором является наличие редколесья в верховьях реки Оленёк с деревьями высотой до 20 м, которые могли служить источником топлива, позволяющим неоднократно использовать одну и ту же стоянку даже большими группами людей. На североевропейской равнине фактор малодоступности древесного топлива должен был служить значительным ограничителем в отношении количества повторных использований одной и той же стоянки.²⁵ Типологические различия между двумя кластерами гамбургских стоянок указывают на некоторую разницу в их хронологии.

На основе модели, построенной для Оленёкского района, можно предположить, что распространение гамбургских стоянок отражает существование двух центральных территорий с местами сбора двух относящихся к ним групп. Два ежегодных сбора, совпадающих с двумя ежегодными периодами миграций представляются разумной стратегией. Места сбора здесь были, вероятно, менее постоянными, чем в Сибири, вследствие ограниченности древесного топлива. Большее расстояние между двумя гамбургскими концентрациями стоянок (около 230 км), чем расстояние между местами поковки в Оленёкском районе (около 100 км), указывает на то, что предполагаемые гамбургские места сбора охватывали большую территорию, чем эвенкийские. Это дает возможность укрупнения оценочного размера групп, относимых к двум центральных территориям. Однако производство биомассы в северо-западной европейской тундре, по сравнению с относительно богатой лесной средой в бассейне реки Оленёк, может предполагать меньшую плотность населения в гамбургском обществе, чем на территории Оленёкского района.²⁶ Таким образом, в качест-

ве разумной принимается оценка в 100–150 человек на каждую из центральных стоянок.

Представляется обоснованным допущение о существовании у гамбургских охотников на северного оленя социальной/территориальной организации, напоминающей ту, что выявлена у эвенков. Гамбургские группы могли состоять из 200–300 человек, организованных в кластеры, каждый из которых включал по 5–6 родовых групп. Каждый род вполне мог иметь свою собственную территорию охоты и состоять из 3–4 домохозяйств, которые могли разделяться на единичные домохозяйства в то время года, когда это было целесообразно.

Было бы обоснованным ожидать наличия концентраций погребений, совпадающих с концентрациями поселений, даже учитывая тот факт, что некоторые типы погребений практически невозможно обнаружить археологическими методами. Характерное для гамбургской культуры помещение «жертвенных» животных в слой отходов (целые скелеты оленей с камнями в их грудной полости), наблюдаемое на стоянках Мейендорф и Штельмоор, по-видимому, относится скорее к технике сохранения, чем к ритуалу.²⁷ Следовало бы ожидать наличия других ритуальных/культовых объектов, кроме погребений, в культуре, основой существования которой была охотничья удача и «хорошие отношения с силами», контролирующими поведение животных, но такие комплексы, скорее всего, помещались бы на сухой земле, где они обычно плохо сохраняются.

Находка из аренбургского слоя на стоянке Штельмоор, представляющая собой шесть длиной 2 м с черепом оленя на конце и с концентрацией вокруг него украшений и «ценных» предметов, принадлежащих к аренбургской культуре, а также обнаружение останков, интерпретированных как «сопутствующие животные», дают некоторое представление о ритуальной практике более поздней (аренбургской) группы охотников на оленя.²⁸ Эта находка вызывает ассоциации с эвенкийским захоронением, в котором верховой олень умершего и некоторые из его личных вещей (предварительно сломанных) помещаются на дереве или на треноге неподалеку от погребения.

Таким образом, настоящая статья показывает, как данные этноархеологии могут

²⁵ См.: Grøn O., Kuznetsov O. What is a hunter-gatherer settlement?..
²⁶ См.: Odum E. P. Ecology and Our Endangered Life-support Systems. Sunderland (Massachusetts), 1989. P. 81.

²⁷ См.: Grønnow B. Op. cit. P. 131–166.

²⁸ См.: Rust A. Die alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor; Tromnau G. Den Rentierjägern auf der Spur. 50 Jahre Eiszeitforschung im Ahrensburger Tunneltal. Neumünster, 1980.

использоваться для построения реалистической модели интерпретации доисторических культур охотников-собирателей. Интерпретация гамбургской культуры, кратко представленная здесь на основе сибирских данных, конечно же, далека от совершенства. Иные модели также имеют право на существование.

Некоторые из ее положений трудно, если не невозможно, проверить, используя имеющиеся археологические методы. Следствием этого должно быть стимулирование развития новых и более совершенных методов, которые смогут поддержать, уточнить или опровергнуть выводы, предложенные в этой статье.

Ole Grøn

Research associate at Maritime Archaeology at the University of Southern Denmark (Denmark, Esbjerg)

E-mail: olegron111@gmail.com

ETHNOARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE EVENK CULTURE AND A SIMULATION OF HAMBURGIAN PREHISTORIC SOCIETIES

The article presents an ethnoarchaeological study of the old Evenk hunting camps in tiga-sites (kill-sites where the routes of the migrating reindeer cross major rivers) on the basis of one of these sites studied on the upper Olenok River. The economic role of this type of large-scale kill-sites is well known and recognized in archaeology. The focal point of the article is the discussion of their social, ideological and territorial role. Another accent in the discussion is understanding the degree to which we may extrapolate the social, ideological and territorial aspects of the hunting pattern registered at some contemporary kill-sites onto the Upper Paleolithic sites with similar economic characteristics.

Key words: *ethnoarchaeology, Evenki, Yakutia, river Olenok, hunter-gatherer society, of the Hamburg culture, Shtellmoor and Meiendorf*

REFERENCES

- Anisimov A. F. *Studies in Siberian Shamanism*. Toronto: University of Toronto Press, 1963, pp. 84–123; 157–229. (in English).
- Barth F. *Cosmologies in the Making. A Generative Approach to Cultural Variation in Inner New Guinea*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 100 p. (in English).
- Beets D. J., van der Spek A. J. F. *Netherlands Journal of Geosciences*, 2000, Vol. 79 (1), pp. 3–16. (in English).
- Bokelmann K. *Offa*, 1979, Vol. 36, pp. 12–22. (in English).
- Bratlund B. *The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas*. Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996, pp. 23–33. (in English).
- Brøndsted J. *De Ældste Tider. Danmark indtil år 600* [The Earliest Times. Denmark until the year 600]. Copenhagen: Politikens Forlag, 1977, 543 p. (in Danish).
- Burdukiewicz J. *Préhistoire de la Grande Plaine de l'Europe* [Prehistory of the Great Plain of Europe]. Warszawa: Archaeologia Interregionalis, 1981, pp. 43–56. (in French.).
- Cohen K. M., Gouw M. J. P., Holten J. P. *Fluvial Sedimentology VII. Special Publication 35. International Association of Sedimentologists*. Oxford: Blackwell Scientific, 2003, pp. 40–68. (in English).
- Deetz J. *Settlement Archaeology*. California: Palo Alto, 1968, pp. 31–42. (in English).
- Ellen R. *Environment, Subsistence and System. The Ecology of Small-Scale Social Formations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982, 440 p. (in English).
- Grøn O., Kuznetsov O., Klokkernes T. *Proceedings of the International & Interdisciplinary Hunter-gatherer Conference in Edinburgh 2002 — ChaGS*. URL: https://www.academia.edu/6791714/The_Tent_In_The_Middle_Of_The_World (accessed April 01 2014). (in English).
- Grøn O. *Antiquity*, 2003, Vol. 77, № 298, pp. 685–708. (in English).
- Grøn O. *The Maglemose Culture. The reconstruction of the social organization of a mesolithic culture in Northern Europe*. BAR International Series 616. Oxford, 1995, 99 p. (in English).
- Grøn O., Kuznetsov O. *Mesolithic on the Move: papers presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000*. Stockholm: Oxbow Books, 2003, pp. 216–221. (in English).
- Grøn O., Kuznetsov O., Turov M. G. *Theory. Proceedings from the 6th Nordic TAG, Oslo 2001*. Oslo, 2003, pp. 342–350. (in English).

- Grønnow B. *Acta Archaeologica*, 1987, Vol. 56, pp. 131–166. (in English).
- Hartvigsen G., Kinzig A., Peterson G. *Ecosystems*, 1998, № 1, pp. 427–430. (in English).
- Holm J. *The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas*. Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996, pp. 43–59. (in English).
- Holm J., Rieck F. *Istidsjægere ved Jelsøerne* [Ice Age hunters by Jels Lakes]. Haderslev: Skrifter fra Museumsrådet for Sønderjyllands Amt, 1992, 151 p. (in Danish).
- Holmberg U. *Der Baum des Lebens* [The Tree of Life]. Helsinki: Finnische Literaturgesellschaft Helsingfors, 1922, 182 p. (in Germany).
- Jordan P. *Material Culture and Sacred Landscape. The Anthropology of the Siberian Khanty*. New York: AltaMira Press, Rowman & Littlefield Publishers, 2003, 331 p. (in English).
- Loring S. *Caribou and Reindeer Hunters of the Northern Hemisphere*. Avebury: Avebury, Brookfield USA, 1997, pp. 185–220. (in English).
- McNabb J., Jacobi R., Collcutt S. *An Archaeological Resource Assessment and Research Agenda for the Palaeolithic in the East Midlands (part of Western Doggerland)*. Avarial at: URL:http://www.le.ac.uk/ar/pdf_files/emidpal.pdf (accessed April 14 2004). (in English).
- Odum E. P. *Ecology and Our Endangered Life-support Systems*. Sunderland: Massachusetts, 1989, 283 p. (in English).
- Paproth H.-J. *Studien über das Bärenzeremoniell. I. Bärenjagdriten und Bärenfeste bei den tungusischen Völkern* [Studies on the bear ceremonial. I bear hunting rites and bear festivals in the Tungusic peoples]. München: Klaus Renner Verlag, 1976, 365 p. (in Germany).
- Paulson I. *Schutzgeister und Gottheiten des Wildes (der Jagdtiere und Fische) in Nordeuroasien. Eine religionsethnographische und religionsphänomenologische Untersuchung jägerischer Glaubensvorstellungen* [Guardian spirits and deities of the game (the game animals and fish) in Nordeuroasien. Eine religion ethnographic study of hunter and religionsphänomenologische beliefs]. Stockholm: Almquist & Wiksel, 1961, 315 p. (in Germany).
- Popov A. A. *The Nganasan. The Material Culture of the Tavgi Samoyeds*. Bloomington, 1966, 187 p. (in English).
- Rodahl K. *Eskimo Metabolism*. Oslo: Norsk Polarinstitut, 1954, 84 p. (in English).
- Rust A. *Das altsteinzeitliche Rentierjägerlager Meiendorf* [The Palaeolithic reindeer hunters' camp Meiendorf]. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1937, 208 p. (in Germany).
- Rust A. *Die jungpaläolithischen Zeltanlagen von Ahrensburg* [The Upper Paleolithic tent systems of Ahrensburg]. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1958, 220 p. (in Germany).
- Rust A. *Festschrift für Gustav Schwantes* [Festschrift for Gustav Schwantes]. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1951, pp. 48–59. (in Germany).
- Shirokogoroff S. M. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1935, 485 p. (in English).
- Spiess A. E. *Reindeer and Caribou Hunters. An Archaeological Study*. New York: Academic Press, 1979, 326 p. (in English).
- Tanner A. *Bringing Home Animals. Religious Ideology and Mode of Production of the Mistassini Cree Hunters*. London: C. Hurst & Company, 1979. (in English).
- Tromnau G. *Den Rentierjägern auf der Spur. 50 Jahre Eiszeitforschung im Ahrensburger Tunnelthal* [The reindeer hunters on the trail. 50 years Ice Age research in Ahrensburg tunnel valley]. Neumünster: Neumünster, 1980, 235 p. (in Germany).
- Tromnau G. *Materialhefte zur Ur- und Frühgeschichte Niedersachsens* [Material books for Pre-and Early History of Lower Saxony]. Hannover: Verlag August Lax, Hildesheim, 1975, 136 p. (in Germany).
- Tromnau G. *Neue Ansgrabungen im Ahrensburger Tunnelthal. Ein Beitrag zur Erforschung der Jungpaläolithikum im Nordwesteuropäischen Flachland* [New Ansgrabungen in Ahrensburg Tunnelthal. Ein contribution to the study of the Upper Palaeolithic of the Northwest European lowlands]. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1975, 145 p. (in Germany).
- Vang Petersen P., Johansen L. *The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas*. Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996, pp. 75–88. (in English).
- Wiessner P. *American Antiquity*, 1983, Vol. 48 (2), pp. 253–276. (in English).
- Wiessner P. *Journal of Anthropological Archaeology*, 1984, Vol. 3, pp. 190–234. (in English).